

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Реферат: В статье представлена развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, включающая в себя как набор статистических данных, так и описание отдельных элементов погребального сооружения, позволяющих говорить об устойчивости тех или иных проявлений и элементов обряда. Анализ погребального сооружения, рассматриваемого в качестве составной части погребального обряда, включает в себя описание формы и размеров могильной ямы, ее конструктивных особенностей, а также внутримогильных и надмогильных сооружений из древесины и камня. Данная тема специально не исследовалась, ее отдельные аспекты нашли отображение в трудах, которые либо охватывали более широкий круг вопросов, либо регионально не совпадали с очерченным ареалом, являясь достаточно сжатыми по объему. В настоящее время до сих пор отсутствует работа, в которой была бы представлена развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, которая включала бы в себя не только описание отдельных элементов погребального сооружения, но и набор статистических данных, позволяющих говорить об устойчивости тех или иных проявлений и элементов обряда. Ставшие доступными в последние годы материалы раскопок и расширение географических рамок исследования на все Северное Приазовье, позволяют внести определенные дополнения к выводам авторов. Выявленные закономерности позволяют с уверенностью утверждать, что конструктивные особенности могильных сооружений, как составная часть погребальных традиций срубной культуры Северного Приазовья, находятся в прямой зависимости от природно-географических условий обитания и обусловлены характером строительного материала, имеющегося в том либо ином регионе.

Ключевые слова: Северное Приазовье, поздний бронзовый век, срубная культура, курган, погребение.

Abstract: The article presents a detailed characterization of grave constructions of Timber-Grave culture of Northern Azov, which includes a set of statistical data, and a description of the individual elements of the grave construction, allowing to speak about the viability of certain expressions and elements of the rite. Analysis of the grave construction, considered as part of the funeral ceremony, includes a description of the shape and size of the burial pit, its design features, as well as internal and gravestones made of wood and stone. This topic is not specifically studied, aspects of it were reflected in the works, which are either covered a wider range of issues, regionally did not match the outlined area, being sufficiently compressed by volume. At present, there is still no work in which would be as detailed characteristics of burial structures of Timber-Grave culture of Northern Azov, which would include not only a description of the individual elements of the funeral facilities, but also a set of statistical data to talk about the viability of certain manifestations and elements of the rite. Have become available in recent years, excavated material and the geographical scope of research; allow making some additions to the conclusions of the authors. The revealed regularities can say with confidence that the design features of the grave construction, as part of funerary traditions of Timber-Grave culture of Northern Azov, are directly dependent on the natural and geographical conditions and habitat due to the nature of the construction material available in some region.

Keywords: Later Bronze Age, Timber-grave culture, Barrow, grave construction, North Azov-sea region.

В теоретических разработках последних десятилетий широко используются такие понятия, как “погребальный обряд”, “погребальные традиции”, “погребальный культ” или “погребальные обычаи”. При этом авторами зачастую конкретное содержание каждого понятия не раскрывается, в ряде работ перечисленные термины употребляются как синонимы, а в отдельных случаях один и тот же термин используется для обозначения понятий, нередко различных по содержанию и объему. Данному вопросу посвящена обширная, в том числе и специальная литература, разработан ряд структурных схем погребальных памятников [Генинг 1975; Лебедев 1977; Леонова 1977; Ковалева 1981;

Обыденнов 1992; Крамарев 2003; 2003а; и др.], однако формат данной статьи не предусматривает рассмотрение историографического аспекта проблематики.

На наш взгляд, для анализа источников по изучению срубной культуры Северного Приазовья наиболее приемлемой и емкой представляется схема В.С. Ольховского, разработанная для евразийских степных погребений раннего железного века [Ольховский 1986, с. 65-76] и прошедшая успешную апробацию, в том числе на материалах погребальных памятников срубной культуры эпохи бронзы [Литвиненко 1994 с. 60-126]. Предложенная структура изучения погребальных памятников представлена в виде совокупности семи групп элементов, расположенных по трем уровням: погребения, погребальные комплексы и погребальные группы [Ольховский 1986, с. 70-71, табл. 1].

Погребальный памятник является не единственным, но очень важным источником для изучения погребального ритуала. В то же время исследователями подчеркивается, что достоверность его реконструкции прямо отражается на правильности окончательных исторических построений [Литвиненко 1994, с. 64]. Таким образом, комплексную характеристику погребальных памятников срубной культуры Северного Приазовья целесообразно проводить по следующим структурным параметрам [Литвиненко 1994, с. 60-61]:

- 1) топография и планиграфия курганных могильников;
- 2) курганная насыпь;
- 3) организация подкурганного пространства, следы ритуальных действий;
- 4) внутрикурганная планиграфия погребальных сооружений;
- 5) погребальное сооружение;
- 6) останки погребенного;
- 7) погребальный инвентарь.

Характеристика погребальных сооружений представлена практически в каждой работе публикационного характера, независимо от эпохи и культурной принадлежности. Кроме того, классификация отдельных элементов, которые входят в структуру погребального памятника, а также описание погребальных сооружений в целом, представлены в статьях и работах обобщающего характера. Общая характеристика и региональные особенности погребальных сооружений срубной общности также нашли свое отображение в целом ряде обобщающих [Агапов 1983, с. 6-58; Березанская 1982, с. 36-37; Берестнев 2001, с. 81-89; Васильев 1985, с. 60-94; Ковалева 1981, с. 57-59; Крамарев 2003, с. 277-305; Обыденнов 1992, с. 71-93; Чередниченко 1986, с. 55-56; Шарафутдинова 1985, с. 146-183; и др.] и диссертационных работ [Литвиненко 1994, с. 93-109; Отрощенко 1981, с. 91-102; и др.].

Накопленная с конца XIX века в результате раскопок погребальных сооружений на территории Северного Приазовья источниковая база представляется достаточно представительной в количественном и качественном отношении. В настоящий момент база, которой располагает автор (без учета грунтовых могильников), насчитывает 440 курганов, происходящих из 208 могильников, которые содержали не менее 1400 погребений срубной культуры¹, что в процентном отношении составляет не менее 94% от общего массива исследованных памятников [Забавин 2012, с. 101, рис. 1]. Однако, несмотря на это, данная тема специально не исследовалась, ее отдельные аспекты нашли отображение в трудах, которые либо охватывали более широкий круг вопросов, либо регионально не совпадали с очерченным ареалом, являясь достаточно сжатыми по объему. В настоящее время до сих пор отсутствует работа, в которой была бы представлена развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, включающая в себя как набор статистических данных, так и описание отдельных элементов погребального сооружения, позволяющих говорить об устойчивости тех или иных проявлений и элементов

¹ В работе использованы неопубликованные комплексы из раскопок А.И. Привалова и О.Я. Приваловой. Автор выражает искреннюю признательность О.Я. Приваловой за разрешение использовать эти материалы для публикации.

обряда. На фоне дефицита специальных исследований по погребальным памятникам срубной культуры Приазовья, выгодно выделяются работы Я.П. Гершковича и Р.А. Литвиненко, посвященные погребальным сооружениям срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья [Гершкович 1982, с. 15-21; Литвиненко 1992, с. 29-46; 2000, с. 3-18]. Ставшие доступными в последующие годы материалы раскопок и расширение географических рамок исследования на все Северное Приазовье, позволяют внести определенные дополнения к выводам авторов.

Анализ погребального сооружения, рассматриваемого в качестве составной части погребального обряда, включает в себя описание формы и размеров могильной ямы, ее конструктивных особенностей (ступеньки, заплечики, подбой и т.п.), а также внутримогильных и надмогильных сооружений из древесины и камня.

В настоящей работе была привлечена выборка из 1324 погребений срубной культуры Северного Приазовья. Весь массив погребений был разделен по типам могильных сооружений на три группы: погребения в ямах; погребения в каменных конструкциях; погребения в срубках.

Погребения в ямах. К данной группе были отнесены в первую очередь те захоронения, в которых документально зафиксировано наличие погребального сооружения в виде ямы – 490 случаев (36,9%), из них на Донецком Кряже – 184, в Приазовье – 306. В подавляющем большинстве случаев могильное сооружение фиксируется в тех случаях, когда яма входит в материк. Однако нередко контуры могильных сооружений не фиксируются в тех случаях, когда впускные погребения находятся в насыпи кургана, в черноземном грунте или в предматерике. Будет вероятнее всего предположить, что в качестве могильного сооружения в данных случаях также использовалась обычная яма. В выборке, привлеченной для данного анализа, присутствуют не менее 678 погребений в насыпи (51,8%), форма погребальной конструкции которых не определена. Таким образом, к группе погребений в яме в целом можно отнести 1168 могил (88,2%).

Могильные ямы в погребениях срубной культуры Северного Приазовья в подавляющем большинстве имеют прямоугольную форму с различной степенью округленности углов (рис. 5, 3) [Кульбака 1989]. Авторами раскопок могильные ямы иногда характеризуются как: подпрямоугольные, квадратные, овальные, округлые, неправильной формы и т.п. Таким образом, данный параметр погребального сооружения в немалой степени зависит от многих субъективных факторов и сложности классификации, а поэтому потребуются ввод дополнительных критериев, упорядочение терминологии и анализ дополнительных признаков, что не входит в задачи данного исследования.

Абсолютное большинство могильных ям имеют относительно ровное дно, ровные отвесные (рис. 5, 1, 2) [Забавин 2011, рис. 3, 1-2; 4, 3-5] или слегка наклонные стенки (рис. 5, 8,9) [Привалова 2001, рис. 2, 2-5]. Однако в незначительном числе случаев в устройстве могильной ямы наблюдаются некоторые отклонения от шаблона. К таким конструктивным особенностям можно отнести наличие ступенек вдоль одной, нескольких стенок или по всему периметру ямы; уступов; подбоя в стенке могильной ямы и некоторых других элементов. Так, в одном случае была зафиксирована яма с невысоким уступом у дна по всему периметру (Рыбинское, к. 7, п. 1) [Клименко 1988; 1998, с. 118, рис. 39, 1, 2]. Еще в одном случае (Каменные Могилы, к. 1, п. 8) погребение было совершено в яме с заплечиками, входная часть которой была полностью забутована камнем, а сама могильная яма перекрыта тремя мощными гранитными плитами, опирающимися на эти заплечики [Самар, Антонов 1994; Самар 1998, с. 76, рис. 1, 1-2]. В социально значимом погребении, изученном у с. Антоновка Розовского р-на Запорожской обл. (Азов, к. 2, п. 4), была зафиксирована яма подпрямоугольной формы с закругленными углами и небольшими заплечиками подквадратной формы. По краю заплечиков было отмечено несколько камней, под которыми прослежен тлен кожи светло-желтого цвета [Самар, Антонов 1996; Самар 1998, с. 77, рис. 2]. Ступенька вдоль одной из стен ямы достоверно была зафиксирована в

одном случае (Полковое, к. 2, п. 12), где был прослежен уступ высотой 0,43 м [Шаповалов и др. 1986; Литвиненко 1992, рис. 1, 2]. Из этого же могильника происходит единственное известное в Приазовье погребение в яме с подбоем (Полковое, к. 3, п. 2) [Шаповалов и др. 1986; Литвиненко 1992, рис. 2, 2]. Малочисленность подбойно-катакомбных конструкций отмечается исследователями и для других регионов срубной общности [Литвиненко 1992, с. 39; Крамарев 2003, с. 293; и др.].

Уникальный для Северного Приазовья случай был зафиксирован в погребении, исследованном у с. Луганское Розовского р-на Запорожской обл. (Луганское, к. 2, п. 1). Здесь перед сооружением могильной ямы были подготовлены подпрямоугольные с закругленными углами заплечики, ориентированные длинной осью по линии С–Ю. Стенки заплечиков сужаются в направлении могильной ямы. На уступах заплечиков был зафиксирован мощный тлен деревянных плах, уложенных поперек могильной ямы. На дне ямы, имеющей подчеркнuto прямые углы и сужающейся ко дну, были зафиксированы по углам четыре ямки диаметром 0,15–0,2 м и глубиной 15–0,2 м, в которые вертикально устанавливались столбики для поддержки деревянных и кожаных элементов конструкции перекрытия [Самар, Антонов 1994].

Примечательно, что погребения в ямах со столбовыми конструкциями отсутствуют в Орельско-Самарском междуречье [Ковалева 1981, с. 59], не известны они и собственно в бассейне Северского Донца и в Северо-Восточном Приазовье, за исключением двух случаев, исследованных в бассейне р. Волчьей [Литвиненко 1992, с. 32]. При этом авторами отмечается, что подобный тип погребальной конструкции территориально и обрядово близок комплексам, исследованным к югу от р. Самары в бассейне р. Волчьей [Антоненко 1977, с. 31–35; Марина 1988, с. 5–20] и вместе с ними образуют своеобразную локальную группу бассейна р. Волчьей [Литвиненко 1992, с. 32]. Однако погребению, исследованному у с. Луганское также территориально и обрядово близки погребения, исследованные Запорожской экспедицией в междуречье Днепра и Молочной, где 2,5% ям содержали перекрытие, опирающееся на деревянные столбики (четыре или шесть) [Салий 1987, с. 92]. Отмечается, что погребения со столбовыми конструкциями встречаются по всей территории от Поднепровья до Подонцовья, но наиболее высок их удельный вес именно в Поднепровье [Цимиданов 2004, с. 48, табл. 4].

Анализ размеров погребальных сооружений показал, что площадь ям зависит от двух аспектов: возрастного и социального. Площадь ям детских погребений варьировала от 0,12 м² до 1,0 м², а средние размеры ям взрослых погребений составляли 0,6–2,0 м². Так, исследователями обычными или средними считаются ямы, площадь которых не превышает 2 м² [Отрощенко 1981а, с. 12; Литвиненко 1992, с. 30; Цимиданов 2004, с. 44–45].

Анализ графика распределения могильных ям (всего было привлечено 484 комплекса) по площади (рис. 1; 2) позволяет выделить три группы больших ям:

1. Ямы площадью 2,0–3,0 м² (23 комплекса), что составляет 58,9% больших ям и 4,75% всех ям нашей сводки, по которым есть данные о площади;

2. Ямы площадью 3,0–4,5 м² (13 комплексов), что составляет 33,3% больших и 2,68% всех ям;

3. Ямы площадью более 4,5 м² (3 комплекса), что составляет 7,7% больших и 0,6% всех ям.

Ямы каждой из групп распространены по всей территории Северного Приазовья (рис. 3), поэтому правомерно предположение, что увеличение размера ям находится в прямой зависимости от возрастания ранга погребенного [Цимиданов 2004, с. 45]. В то же время большие размеры могильных ям не следует считать датирующим признаком раннего этапа [Литвиненко 1992, с. 30]. Однако картографирование могильных ям большой площади позволило выявить некоторое тяготение подобных могильных сооружений к районам, прилегающим к верховьям рек левобережного бассейна Днепра. Так, на территории Орельско-Самарского междуречья частота встречаемости больших по площади могильных ям значительно превышает аналогичные показатели на интересующей нас территории [Ковалева 1981, с. 55, табл. 5]. Таким образом, анализ диаграмм размеров погребальных

сооружений и картографирование показали, что большие ямы распространены по всей территории Северного Приазовья (включая Кряж) относительно равномерно. А расширение географических рамок и увеличение источниковой базы исследования позволяют утверждать, что в этом отношении ямы Северного Приазовья не уступают ямам Северского Донца, как считалось до этого [Литвиненко 1992, с. 30].

Анализ глубин могильных ям показывает, что количественно преобладают ямы с глубинами около 1,0 м, причем, как в массиве малых, так и в массиве больших ям. Необходимо отметить, что на смежных территориях средняя глубина могил срубных погребений также варьировала в этих пределах [Отрощенко 1981а, с. 12; Шарафутдинова 1985, с. 150; Литвиненко 1992, с. 30; Цимиданов 2004, с. 45]. Исключением также являются ямы Орельско-Самарского междуречья, где более половины погребений были совершены в глубоких ямах (глубина свыше 1,6 м) [Ковалева 1981, с. 55, табл. 5].

Погребения в срубах. Чрезвычайно редким типом погребальных сооружений для Северного Приазовья следует признать захоронения в деревянных срубах. Под срубом исследователи понимают сооружение из бревен, досок или плах, установленных в виде прямоугольной конструкции, иногда скрепленных между собой при помощи различных конструктивных приемов. Группа представлена 5 могилами, что составляет 0,35% всей выборки. Срубная конструкция, как правило, помещалась в специально вырытую для этого грунтовую яму. Однако в одном случае (Семеновка, к. 2, п. 1/2) было отмечено сооружение деревянной конструкции на древнем горизонте [Моруженко и др. 1984]. Подобная ситуация отмечается и для смежных территорий, где сооружение сруба на древнем горизонте признается скорее исключением нежели нормой [Отрощенко 1981, с. 94; Литвиненко 1992, с. 32; Берестнев 2001, с. 85], в отличие от восточного ареала срубной КИО, где абсолютное большинство срубов были сооружены на уровне погребенной почвы [Крамарев 2003, с. 283]. Конструктивные особенности срубов детально были рассмотрены в целом ряде исследований [Ковалева 1981, с. 58-59; Литвиненко 1992, с. 32-35; Берестнев 2001, с. 84-85; Крамарев 2003, с. 283-285; и др.]. В могилах со срубами перекрывался сам сруб, а яма засыпалась грунтом (Благовка, к. 2, п. 1), а также применялось перекрытие и ямы, и сруба (Егоровка, к. 1, п. 1).

Ямы со срубами зачастую имеют заплечики или уступы. Так, известно погребение, где вдоль длинных сторон яма имела заплечики шириной 0,4 м (Егоровка, к. 1, п. 1), на которые были уложены концы четырнадцати деревянных досок, перекрывавших яму. В нижней части ямы был сооружен сруб высотой 0,3 м в один венец из досок толщиной 2 см [Клименко 1998, с. 159-160, рис. 54]. Следует отметить, что стены срубов в большинстве случаев состояли из деревянных плах и брусьев различной толщины и ширины, квадратных либо прямоугольных в сечении. В одном случае (Благовка, к. 2, п. 1) было достоверно прослежено использование в одной погребальной конструкции и бревен, и брусьев одновременно [Моруженко и др. 1981]. В Приазовье, как и на сопредельных территориях, в подавляющем большинстве срубы состояли из одного венца брусьев или бревен [Литвиненко 1992, с. 35; Берестнев 2001, с. 85 и др.]. И лишь в одном случае (Баба, к. 3, п. 2) авторами раскопок была зафиксирована срубная конструкция из бревен в четыре венца [Привалова, Привалов 1980] (рис. 6, 1-3). На необычность этого случая исследователи уже обращали внимание [Литвиненко 1992, с. 35]. Эта уникальность усиливается еще и тем, что могильник находится на территории Приазовской возвышенности, бедной древесными ресурсами. При этом, для смежных территорий, богатых деревом, характерны одновенцовые конструкции срубов, двух- и трехвенцовые встречаются значительно реже [Ковалева 1981, с. 58; Пряхин 1988, с. 138; Литвиненко 1992, с. 35; Берестнев 2001, с. 84; Крамарев 2003, с. 283], а единичные срубы в четыре или пять венцов рассматриваются как исключение [Берестнев 2001, с. 85].

Срубные конструкции встречаются практически по всей территории распространения срубной КИО, но в разных регионах их удельный вес неодинаков. Подобные сооружения в Северном Приазовье единичны (рис. 4). Реже срубы встречаются разве что на территории Крыма [Тошев 2007, с. 182]. Сравнительно редко встречаются срубы и в Степном

Поднепровье, где их удельный вес не превышает 2% общего количества погребений [Шарафутдинова 1982, с. 60]. Однако и в самом Приазовье захоронения в срубках распространены неравномерно. За исключением вышеуказанного уникального погребения, исследованного в курганной группе “Баба” у с. Николаевка Волновахского р-на Донецкой обл., все захоронения в срубках расположены на южных и юго-западных отрогах Донецкого Кряжа и территориально тяготеют к северостепным районам. Так, в бассейне Северского Донца учтено 85 срубов, что составляет 11% всех погребений региона [Литвиненко 1992, с. 32]. Столь же часто (12% погребений) срубы встречаются и на Среднем Дону [Синюк 1985, с. 124]. Аналогичные показатели для лесостепных районов Восточной Украины составляют 15% [Берестнев 2001, с. 84], в Южном Средневолжье – до 17,5% [Крамарев 2003, с. 283], а в Орельско-Самарском междуречье достигают 20,4% [Ковалева 1981, с. 58]. Из 34 погребений в срубках, в свое время учтенных в Степном Поднепровье, 21 приходилось на Днепропетровскую область, приближаясь к пограничью с Орельско-Самарским междуречьем [Отрощенко 1981, с. 94]. Таким образом, отчетливо прослеживается тенденция уменьшения количества погребений, содержащих деревянные конструкции, с продвижением на юг в безлесные степные районы, где их с успехом заменил камень.

Погребения в каменных ящиках. Значительно более распространенными на территории Северного Приазовья оказались погребения, сооруженные в каменных ящиках различной конструкции. Этот тип погребальных сооружений представлен 157 комплексами и составляет 11,7% всей выборки, что даже несколько превышает удельный вес ящичных конструкций, исследованных в бассейне Северского Донца (10,3%) [Литвиненко 1994, с. 102]. При этом 58 погребений (36,9%) являлись основными в курганах, а в 97 случаях (61,8%) была сооружена над погребением досыпка. В лесостепных районах погребения в каменных ящиках практически неизвестны, их количество постепенно увеличивается с продвижением на юг, вглубь степи. Исследователями это обстоятельство связывается с некоторыми этнографическими различиями в погребальном обряде носителей срубной культуры, обусловленными, в первую очередь, наличием выходов природного камня [Отрощенко 1981, с. 94; Литвиненко 1992, с. 44; Цимиданов 2004, с. 47; и др.]. Интересно отметить, что удельный вес погребений в каменных ящиках превосходит приазовские показатели только на территории Крыма (23%). Здесь подобные комплексы были также выявлены в местах с выходами камня – Предгорном Крыму, на Тарханкуте и прилегающей к нему степи, а также на Керченском полуострове [Тощев 2007, с. 180].

Применение метода картографирования для погребальных сооружений с использованием камня в Северном Приазовье также позволило локализовать погребения с каменными конструкциями в непосредственной близости от сырьевой базы (рис. 4). Как правило, эти могильники тяготели к районам Донецкого кряжа и Приазовской возвышенности, богатым открытыми выходами природного камня, распространяясь далее на юг, к Приазовской низменности вблизи речных пойм и балок, богатых выходами камня. Поскольку сооружение каменных конструкций – погребальных, жилищных – связано с природными условиями (наличие выхода камня), поэтому, начиная с правобережья низовий Дона, соседствующего с Северо-Восточным Приазовьем, памятники бронзового века содержат каменные сооружения различных типов. Таким образом, Донская дельта является восточной границей широкого применения камня не только в погребальном обряде, но и в домостроительстве [Шарафутдинова 1985, с. 150; Братченко, Шарафутдинова 2000, с. 212]. В западной оконечности Донецкого кряжа, в пограничье с бассейном рек системы Днепра, использование камня в курганном строительстве не практиковалось. Не известны также мощные каменные конструкции и в Приазовье западнее р. Берды.

Каменные ящики Северного Приазовья по своим конструктивным особенностям традиционно подразделяются на три основные группы [Литвиненко 1992, с. 37-39]. К первой группе относится наиболее характерный и распространенный тип каменных ящиков, сооруженных из вертикально (орфостатно) поставленных на ребро каменных плит. К данной

группе из общего массива нами было отнесено 114 погребений, что составляет 8,5% или 72,6% всех могил в каменных ящиках. Из них 42 погребения (36,8%) являлись основными в курганах, а в 27 случаях (23,7%) над погребением была сооружена досыпка.

Для ящичных конструкций в подавляющем большинстве случаев выкапывались ямы, близкие по размерам обычным грунтовым сооружениям. Конструктивные особенности этой группы могильных сооружений также отличаются некоторым разнообразием. В большинстве случаев каменные плиты опускались в яму и устанавливались вдоль ее стен вертикально или с некоторым наклоном (рис. 7, 1-2) [Кульбака 1989]. Однако этот показатель также представляется достаточно субъективным и обусловленным рядом факторов (степень сохранности, качество фиксации и т.д.). Так, часть ящиков обладает стенами, состоящими из одной цельной плиты (рис. 7, 3) либо облицованными небольшими плитками (рис. 7, 4) [Моруженко, Литвиненко 1993, рис. 12, 2; 3, 3-4]. Известны ящики, где поперечные короткие стены выполнены из одной плиты, а продольные длинные – из нескольких небольших вертикально установленных плит (рис. 7, 10) [Плешивенко 1995, рис. 5, 1-2]. Иногда в ходе полевых исследований авторам удавалось проследить по дну ямы небольшие по глубине канавки, в которые вкапывались плиты стен ящиков. Оставшееся между каменными плитами и ямой пространство впоследствии засыпалось грунтом, изредка забутовывалось камнем. Иногда плиты подгонялись друг к другу довольно плотно, при этом оставшиеся щели заделывались мелким камнем, а в некоторых случаях можно предположить, что некоторые из орфостатно установленных плит закреплялись или расклинивались в основании камнями-клиньями.

В некоторых случаях верхние края вертикальных плит несколько возвышались над уровнем древнего горизонта, а иногда стены ящика сверху обрамлялись однослойной постелистой кладкой. Следует отметить, что обрамление ящика сверху горизонтальными плитками считать имитацией ограды вряд ли следует, поскольку известны случаи, когда аналогичные конструкции находились внутри каменных оград [Литвиненко 1990, с. 74-75; 1992, с. 37; Потапов 2013, с. 85]. На самом деле такое сочетание, когда поверх плит, установленных вертикально, укладывалась горизонтальная кладка, широко известно и в каменной архитектуре жилищ на поселениях срубной культуры Приазовья и Подонцовья. При сооружении таких конструктивных элементов жилищ, как облицовка котлованов и каменные цоколи, использовались те же технологические приемы, что и в погребальных сооружениях: горизонтальная кладка, орфостатный ряд и смешанная орфостатно-постелистая кладка [см.: Литвиненко 2000, с. 9].

Незначительная часть ящиков этой группы отличается неполнотой конструкции, в которой отсутствует одна или две стенки (рис. 7, 6, 7, 9) [Косиков 1996, рис. 2, 2; Привалова 1999, рис. 2, 1-2; Кульбака 1988]. Причем подобные факты неоднократно документально были зафиксированы в неразрушенных, закрытых погребальных комплексах различных могильников [Литвиненко 1992, с. 37]. Всего таких случаев в Приазовье нами было отмечено 16 (14% всех погребений в ящиках первой группы), из них в 11 (9,6%) погребениях ящик состоял из трех стенок и в 5 (4,4%) случаях – из двух. Подобные каменные конструкции А.Н. Усачуком были названы “полуящиками” и, по мнению исследователя, составляют отдельную группу погребений [Усачук 1991, с. 48]. Кроме того, к подгруппе неполных ящиков с определенными оговорками можно отнести также единственное известное нам захоронение (Обильное, к. 1 п. 4), где документально было зафиксировано присутствие одной вертикально установленной стенки. Еще в одном случае (Дружное, к. 2 п. 2) конструктивной особенностью устройства могильного сооружения можно признать разделение каменного ящика примерно посередине на две камеры перегородкой из двух вертикально поставленных плит (рис. 7, 8) [Клименко 1994, с. 72, рис. 26, 3; 2001].

Еще один строительный прием был прослежен в единичном стратиграфически достоверном случае, когда каменный ящик из плит был сооружен не в яме, а на поверхности (Дубовский, к. 1 п. 1). “Здесь основное погребение в кургане было сооружено на древнем горизонте, представленном в этом районе Донецкого края твердыми сланцевыми породами.

Поэтому при сооружении ящика были сделаны только углубления для плит, а яма сама не выкапывалась. Для устойчивости и прочности конструкции стены ящика были составлены не из одной, а из двух плит, внешняя из которых была установлена с соответствующим упорным наклоном” [Литвиненко 1992, с. 37].

Следующая группа погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья – каменные ящики, возведенные методом горизонтальной кладки стен из каменных блоков или плит, уже привлекала пристальное внимание исследователей [Гершкович 1982, с. 15-21; Литвиненко 1992, с. 37-39; 2000, с. 3-18]. Иногда исследователями именно этот тип каменных гробниц называется цистами (лат. *cista*, англ. *cist* – каменный ящик или гробница) [Литвиненко 2000, с. 3-18; Цимиданов 2004, с. 48; и др.], или каменными склепами [Отрощенко 1981, с. 97]. В свое время, рассматривая погребальные сооружения срубной культуры Азово-Донецкого региона, Р.А. Литвиненко выделил три типа каменных ящиков, среди которых сложные конструкции были отнесены ко II и III группе [Литвиненко 1992, с. 37-39]. Ко II группе относятся гробницы, стены которых сложены горизонтальной кладкой (рис. 8, 2, 3, 5, 7) [Привалова 1999, рис. 1, 6; 4, 1; Привалов и др. 1978; Посредников 1992, рис. 4, 1-3], а к III группе принадлежат комбинированные ящики или ящики смешанных типов, стены которых возведены из орфостатно установленных плит в различных сочетаниях с постелистой кладкой (рис. 8, 4, 6) [Усачук 2006, рис. 2; Привалов и др. 1978]. Поскольку и тот и другой типы подразумевает использование при сооружении погребальной конструкции приема горизонтальной кладки стен, мы склонны в настоящей работе рассматривать погребения, совершенные в классических цистах и комбинированных ящиках, в качестве составных частей единой группы погребений в каменных ящиках сложной конструкции. Кроме того, зачастую переход от одного типа к другому является трудноуловимым, что обусловлено множеством конструктивных вариантов, степенью сохранности памятника и качеством полевой фиксации.

В отношении конструктивных особенностей каменных гробниц и природных материалов, из которых они были возведены, исследователями отмечалось, что способ кладки ящиков, как правило, был обусловлен характером строительного материала, имеющегося в том либо ином регионе. Так, в соответствии с геологическими особенностями Донецкого края стены всех гробниц этого региона представляют собой многослойные кладки плит песчаника или других сланцев [Литвиненко 1994, рис. 57]. Для Приазовской возвышенности, богатой выходами гранитов, характерны гробницы, сооруженные из этого материала. В таких случаях, нижняя, придонная часть стен всегда сложена из массивных блоков, а верхняя – из тонких плоских камней. На территории Приазовской низменности встречаются ящики, выполненные из ракушечника, природная неровность которого и обуславливает некоторую неупорядоченность кладки стен [Литвиненко 2000, с. 3-4]. В таких случаях, вероятно, применялся прием, когда внутренние неровности поверхностей стен или щели между плитами заделывались грязевыми или глинистыми растворами. Подобный прием был прослежен в низовьях р. Кальмиус (Октябрьское, к. 1 п. 5), где между камнями ракушечника, из которых была сложена гробница овальной формы, встречалась глиняная промазка [Братченко и др. 1976; Гершкович 1982, с. 17, рис. 2]. Аналогичные случаи были прослежены в погребениях сабашиновской и срубной культур, совершенных в близких по конструкции каменных ящиках, исследованных на правом берегу Днепра [Отрощенко 1981 с. 97; Ключинцев 1989, с. 254].

Поскольку основные типы и конструктивные особенности этой группы захоронений уже были детально описаны в вышеуказанных работах, приведем лишь некоторые статистические материалы и обобщающие характеристики. К данной группе из общего массива нами было отнесено 43 погребения, что составляет 3,1% всех захоронений (или 27,4% всех могил в каменных ящиках). Причем 16 погребений (37,2%) являлись основными в курганах, а в 28 случаях (65,1%) над погребением была сооружена досыпка. Исследователями неоднократно обращалось внимание на то, что погребения в цистах по

инвентарю и комплексу обрядовых особенностей отличаются высоким социальным статусом [Гершкович 1982, с. 18; Литвиненко 1990, с. 75; 1992а, с. 140; 1992б, с. 110; 2000, с. 13; Ольховский, Отрощенко 1991, с. 121; Плешивенко 1993, с. 155; и др.]. Особое внимание цистам в своем исследовании уделяет В.В. Цимиданов, который пришел к выводу, что сама неординарная конструкция в виде цисты, также как и ящики сложной конструкции, являются знаками социального ранга, а не статуса [Цимиданов 2004, с. 49]. Как правило, могильные сооружения этой группы отличаются внушительными размерами, а внутренние размеры гробниц значительно превышают средние показатели ящиков первой группы.

В этой связи обратим внимание на гробницу, исследованную в кургане 3 неподалеку от с. Семеновка Амвросиевского р-на Донецкой обл., которая уже неоднократно привлекала пристальное внимание исследователей [Литвиненко 1994, с. 106, рис. 58, 1; 2000, с. 4; и др.]. Основное и единственное погребение в этом кургане является самым масштабным по своим размерам среди известных сооружений этого типа: яма размерами 3,65×3,35×2,0 м (объем – 24 м³); гробница имела внутренние размеры 3,1×2,9×2,19 м и была сложена из плит песчаника, сланца и гранита. Камера погребения оказалась засыпана грунтом и камнями завалившегося перекрытия. В центральной части камеры была прослежена округлая яма диаметром 1,2 м и глубиной 0,7 м, забутованная камнем. В погребении, которое оказалось ограбленным, сохранились лишь фрагменты керамики срубной культуры и кальцинированных костей [Моруженко и др. 1984]. Яму в центре камеры, скорее всего, следует связывать с опорным столбом, который поддерживал перекрытие [Литвиненко 2000, с. 4].

Мясная пища присутствовала в 13 погребениях, что составляет 30,2%, при средних показателях для Северного Приазовья в 7,1%. Причем в некоторых случаях (Таврия-I, к. 1 п. 1) [Ларенок П. 1998а, с. 61] наличие черепа и отчлененных в коленных суставах конечностей крупного животного (бык, конь) можно интерпретировать как сложенную или растянутую шкуру животного, связываемую с транспортным или тягловым животным для переправы в мир иной [Литвиненко 1997, с. 11]. Избыточный инвентарь был отмечен в 14 случаях (32,5%). В трех случаях могильное сооружение представляло собой кенотаф (7%) и в трех случаях была зафиксирована кремация (7%). Полученные нами результаты по большинству показателей оказались близкими приведенным исследователями [Цимиданов 1996, с. 201, табл. 1; 2004, с. 116, табл. 8], однако анализ социально-значимых признаков позволил присоединиться к выводу, что они в целом выражены больше в цистах, нежели в гробницах смешанного типа [Литвиненко 2000, с. 14]. При этом отмечается, что во всех регионах удельный вес захоронений с цистами ниже удельного веса захоронений в ящиках, а по степени выраженности социально значимых отклонений массив комплексов с цистами превосходит массив захоронений с ящиками [Цимиданов 2004, с. 48].

Несмотря на то, что для половозрастной характеристики погребений в каменных ящиках сложной конструкции имеется слишком мало антропологических определений, используя данные публикаций и архивных материалов, можно сделать некоторые общие выводы. Так, почти все костяки в погребениях принадлежали взрослым, за исключением четырех детско-подростковых (9,3%). Среди них антропологически определены 2 мужских и 1 женский. Кроме того, используя выявленные половозрастные признаки-критерии погребального обряда и инвентаря срубных могильников Донецкого региона [Литвиненко 1996, с. 62-66], возможно более-менее уверенно отнести к мужским еще 5 погребений (чистые признаки) и с большой долей вероятности – не менее 10 погребений (частные признаки).

Помимо рассмотренных могильных конструкций, в анализируемой выборке выделяется небольшая группа погребений, конструкции которых занимают промежуточное положение между каменными ящиками и обычными ямами. В этих погребениях, совершенных в ямах стандартных размеров, по дну были прослежены небольшие камни, расположенные по периметру (Лисичье, к. 1 п. 1) [Братченко и др. 1978; Литвиненко 1992, рис. 2, 3]. Известны случаи, когда в насыпи кургана сооружалось овальное кольцо из камней, выложенных в один ряд (рис. 8, 1) [Кульбака 1986; 2009, рис. 2, 2]. В одном случае в углах ямы были положены

камни [Журнал... 1908, с. 188, рис]. Нельзя исключать, что данная конструкция представляла собой имитацию каменного ящика или была семантически равнозначна ему (по принципу *pars pro toto*) [Цимиданов 2004, с. 47].

Самой массовой составной деталью погребального сооружения являются перекрытия. В Северном Приазовье распространение получили два основных вида перекрытия могил – деревянные и каменные. Всего перекрытия были отмечены в 482 случаях (34,1% от всей выборки). Деревянные перекрытия были зафиксированы в 81 случае (5,7%), каменные – в 380 (26,9%). Еще в 20 погребениях (1,4%) было отмечено одновременное использование в перекрытии и дерева, и камня. Для приазовских погребений, совершенных в простых грунтовых ямах, данные показатели оказались достаточно близкими. Так, деревянные перекрытия присутствовали в 76 случаях (6,4% всех ям), каменные – в 268 (22,7%), а комбинированные – в 16 (1,4%) погребениях. Здесь необходимо сделать оговорку, что, вероятно, вследствие активной разрушаемости курганных насыпей (антропогенный фактор, денудационные и аккумулятивные процессы), в особенности их верхних слоев, где обычно сосредоточены впускные срубные погребения, часть перекрытий может не сохраниться. Кроме того, деревянные перекрытия в отличие от каменных менее долговечны, поэтому ранее уже выдвигалось предположение, что на самом деле число погребений с деревянными перекрытиями было несколько большим [Литвиненко 1992, с. 30].

Тем не менее, в отличие от Подонцовья, где количество деревянных и каменных перекрытий было примерно одинаковым (соответственно, 14,1% и 14,4%) [Литвиненко 1992, с. 30], в Приазовье это соотношение претерпевает существенное изменение в сторону значительного увеличения количества каменных перекрытий (соответственно, 5,7% и 26,9%). Для сравнения можно привести следующие цифры. В Степном Поднепровье деревянные перекрытия были зафиксированы в 18,2% случаев, а каменные – в 15,5% погребений [Отрощенко 1981, с. 97]. В Среднем Поволжье деревянное перекрытие имелось у 23% всех срубных захоронений [Агапов 1983, с. 24]. На Среднем Дону этот показатель достигает уже 36% всех могил [Синюк 1985, с. 124], а на Нижнем Дону деревянное перекрытие было отмечено лишь в 5,6% всех срубных погребений [Шарафутдинова 1985, с. 150]. Для Восточноукраинской Лесостепи остатки деревянных перекрытий из бревен, плах, жердей или толстых досок были зафиксированы в 85% случаев для основных погребений и 30% для впускных [Берестнев 2001, с. 84].

Наиболее часто при сооружении погребения в Северном Приазовье над могилой возводилось простое деревянное однослойное перекрытие из плах или горбылей, уложенных вдоль (рис. 5, 4, 5) [Клименко 1998, рис. 19, 1; 20, 7] или поперек длинной оси (рис. 5, 6, 7) [Литвиненко 2004, рис. 11]. Древесина укладывалась непосредственно на уровне древнего горизонта, при этом в целом ряде случаев площадь деревянного перекрытия значительно превышала площадь самой могильной ямы. В зависимости от характера перекрытия деревом погребального сооружения, можно выделить три основных вида деревянных перекрытий:

1. Поперечное деревянное перекрытие – отмечено в 43 случаях (42,6% всех деревянных перекрытий);
2. Продольное деревянное перекрытие – отмечено в 9 случаях (8,9%);
3. Продольно-поперечное деревянное перекрытие – достоверно прослежено в 5 случаях (4,9%).

Тот факт, что для Приазовья наиболее характерным являлось поперечное перекрытие ям, встречающееся в три раза чаще продольного, уже отмечался исследователями [Литвиненко 1992, с. 30]. При этом соответствующие показатели для сопредельных регионов оказались несколько отличными. В Орельско-Самарском междуречье поперечное перекрытие было отмечено в 67% могил, а продольное – в 3% [Ковалева 1981, с. 58; Литвиненко 1992, с. 30]. В Подонцовье поперечное перекрытие зафиксировано в 63% погребений, продольное – в 37% случаев [Литвиненко 1992, с. 30]. Очень близкое соотношение было отмечено и для Южного Средневожья (поперечное – 62,6%, продольное

– 28,8%) [Крамарев 2003, с. 280]. Для Восточноукраинской лесостепи также присуще преобладание поперечных перекрытий над продольными [Берестнев 2001, с. 84].

В целом ряде случаев могильное перекрытие представлено отдельными небольшими кусками дерева или деревянной трухой, которая не позволяет определить характер конструкции. Поэтому все такие случаи включены в число погребений с простыми деревянными перекрытиями. Вероятно, древесина перекрывало яму либо поперек, либо вдоль, поэтому в этих случаях говорить о каких-то усложненных деревянных конструкциях не приходится. Вполне вероятно допустить, что некоторые погребения имели символические перекрытия. Так, в целом ряде случаев авторами отмечается присутствие в могильном заполнении тлена камыша, травы или коры. Отмечается, что в некоторых случаях покрытие костяка травой или камышом заменяло и, не исключено, символизировало деревянное перекрытие могилы [Берестнев 2001, с. 84].

Интересно, что среди всех могил с деревянным перекрытием в 56,4% случаев погребения являлись либо основными, либо имели досыпку. Как правило, сооружение усложненных деревянных конструкций связано с захоронениями, выделяющимися целым рядом признаков, подчеркивающих повышенный социальный статус погребенного. Так, рядом авторов само присутствие деревянного перекрытия могилы считалось признаком социальной неординарности и некоторой архаичности обряда [Кузнецов 1991, с. 176; Зудина 1998, с. 37; и др.]. В то же время, любая деревянная конструкция в могиле, по мнению исследователей, может рассматриваться в качестве показателя принадлежности к определенной социальной группе [Берестнев 2001, с. 141].

В погребальных памятниках срубной культуры Северного Приазовья зафиксировано использование камня и каменных плит в качестве перекрытий погребений и могильных ям, отличающихся достаточным конструктивным разнообразием (рис. 5, 10, 11) [Привалова, Привалов 1980; Полидович 2004, рис. 5]. Так, в свое время для погребений срубной культуры Миусского п-ова было выделено пять групп конструкций каменных перекрытий [Ильюков 1988, с. 93], которые распространены на территории Приазовской низменности, Приазовской возвышенности и Донецкого кряжа [Литвиненко 1992, с. 32]. Обычно каменные перекрытия состояли из 1-4 плит, уложенных в один слой перпендикулярно длинной оси ямы. Иногда фиксируется положение плит внахлест, известны случаи, когда мощность перекрытия достигала 3-5 слоев плит. Для перекрытия камнем ям больших размеров иногда могли использоваться несущие деревянные конструкции в виде досок или плах, уложенных поперек (Федоровка-I, к. 1 п. 4) [Ларенок П. 1998, с. 19] или вдоль ямы (Самарский-II, к. 3 п. 6) [Ларенок В. 1998, с. 116]. Причем использование подобного приема зафиксировано в Приазовье и в ящичных конструкциях (Камышеватое, к. 1 п. 1; Таврия-I, к. 2 п. 4) [Кульбака 1989; Ларенок П. 1998а, с. 67]. Известны случаи, когда каменное перекрытие укладывалось на мощную деревянную решетчатую основу (рис. 6, 4-8) [Привалова, Привалов 1980; Литвиненко 1992, рис. 1, 3]. В одном случае (Соколовский к. 1 п. 3) ящик смешанного типа был перекрыт продольно-поперечной деревянной конструкцией [Попандопуло 1991, с. 69, рис. 1, 4-5]. Из анализируемой выборки погребений в 113 каменных ящиках (72%) было зафиксировано каменное перекрытие, при этом в 3 случаях (1,9%) наряду с камнем в конструкции перекрытия было отмечено присутствие дерева. Кроме того, над погребениями довольно часто сооружались каменные заклады различной мощности (рис. 7, 5) [Братченко 1997, рис. 3].

Выводы. Приведенная развернутая характеристика погребальных сооружений срубной культуры Северного Приазовья, включающая в себя как набор статистических данных, так и описание отдельных элементов погребального сооружения, позволяет говорить о значительном разнообразии могильных конструкций, а также об устойчивости тех или иных проявлений и элементов обряда. Несмотря на присутствие некоторых региональных особенностей в погребальном обряде, обусловленных рядом факторов природно-географического и исторического характера, приазовские погребальные сооружения отображают общие погребальные традиции, характерные для всей срубной общности.

Анализ размеров погребальных сооружений показал, что площадь ям зависит от двух аспектов: возрастного и социального. Анализ графика распределения могильных ям по площади позволил выделить три типа больших ям. Ямы каждой из подгрупп распространены по всей территории Северного Приазовья относительно равномерно, однако картографирование больших по площади могильных ям позволило выявить некоторое тяготение таких могильных сооружений к районам, прилегающим к верховьям рек бассейна Днепра.

Чрезвычайно редким типом погребальных сооружений для Северного Приазовья следует признать захоронения в деревянных срубах. Однако и в самом Приазовье захоронения в срубах распространены неравномерно, абсолютное большинство всех известных захоронений в срубах расположено на южных и юго-западных отрогах Донецкого Кряжа и территориально тяготеют к лесостепным районам. Таким образом, отчетливо прослеживается тенденция уменьшения количества погребений, содержащих деревянные конструкции, с продвижением на юг в безлесные степные районы, где их с успехом заменил камень. Многочисленные стратиграфические наблюдения в бассейне Северского Донца и Северо-Восточном Приазовье показали, что наиболее древними конструкциями срубной культуры здесь являются грунтовые ямы с деревянными перекрытиями и ямы со срубами, которые относятся к I хронологическому горизонту, выделенному для курганных могильников Северо-Восточного Приазовья [Литвиненко 1999, с. 4]. При этом отмечается, что традиция поперечного деревянного перекрытия оказалась древнее продольного [Литвиненко 1992, с. 39].

Значительно более распространенными на территории Северного Приазовья оказались погребения, сооруженные в каменных ящиках различной конструкции, которые появляются здесь несколько позже ям и срубов, что отмечалось еще В.А. Городцовым [Городцов 1907, с. 238, 248]. В целом же бытование каменных ящиков приходится на развитой и поздний этапы существования срубной культуры. Что касается цист и ящиков сложной конструкции, то имеющиеся материалы позволяют отнести их к концу развитого – началу позднего этапа срубной культуры Донетчины [Литвиненко 1992, с. 42] или ко II-III горизонтам могильников Северо-Восточного Приазовья [Литвиненко 1999, с. 19].

Применение метода картографирования для погребальных сооружений с использованием различных материалов (дерево, камень) в Северном Приазовье позволило локализовать их в непосредственной близости от соответствующей сырьевой базы. Как правило, могильники со всевозможными каменными сооружениями тяготели к богатым камнем районам Донецкого кряжа и Приазовской возвышенности, распространяясь далее на юг, к Приазовской низменности. Таким образом, Донскую дельту можно считать восточной границей широкого применения камня в погребальном обряде, а западной – западную оконечность Донецкого кряжа, в пограничье с бассейном рек системы Днепра, где использование камня в курганном строительстве не практиковалось.

Выявленные закономерности позволяют с уверенностью утверждать, что конструктивные особенности могильных сооружений, как составная часть погребальных традиций срубной культуры Северного Приазовья, находятся в прямой зависимости от природно-географических условий обитания и обусловлены характером строительного материала, имеющегося в том либо ином регионе.

Забавін В.О.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОХОВАЛЬНИХ СПОРУД ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ ПІВНІЧНОГО ПРИАЗОВ'Я

Наведена розгорнута характеристика поховальних споруд зрубної культури Північного Приазов'я, що включає в себе набір статистичних даних та опис окремих елементів поховальних споруд, дозволяє говорити про значне розмаїття могильних конструкцій, а також про стійкість тих чи інших проявів та елементів обряду. Незважаючи на присутність деяких регіональних особливостей у

поховальному обряді, обумовлених рядом факторів природно-географічного та історичного характеру, приазовські поховальні споруди відображають загальні похоронні традиції, характерні для всієї зрубною спільноти. Виявлені закономірності дозволяють з упевненістю стверджувати, що конструктивні особливості могильних споруд, як складова частина поховальних традицій зрубною культури Північного Приазов'я, перебувають у прямій залежності від природно-географічних умов проживання і обумовлені характером будівельного матеріалу, наявного в тому чи іншому регіоні.

Ключові слова: Північне Приазов'я, пізній бронзовий вік, зрубна культура, курган, поховальна конструкція.

Zabavin V.O.

CHARACTERISTICS OF GRAVE CONSTRUCTIONS OF TIMBER-GRAVE CULTURE OF THE NORTH AZOV-SEA REGION

The above detailed description of grave constructions of Timber-Grave culture of Northern Azov, which includes a set of statistical data, and a description of the individual elements of the grave construction, allows us to speak about the great variety of grave construction, as well as the stability of certain expressions and elements of the rite. Despite the presence of some of the regional characteristics of the funeral rite, due to several factors natural geographical and historical, Northern Azov burial structures reflect the general funerary traditions inherent in the whole Timber-Grave community. The revealed regularities can say with confidence that the design features of the grave constructions, as part of funerary traditions of Timber-Grave culture of Northern Azov, are directly dependent on the natural and geographical conditions and habitat due to the nature of the construction material available in one or another region.

Keywords: Later Bronze Age, Timber-grave culture, Barrow, grave construction, North Azov-sea region.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) / С.А. Агапов, И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев, 1983. – С. 6-58.

Антоненко Б.А. О результатах работы Ивановской археологической экспедиции / Б.А. Антоненко, С.А. Васильченко, И.С. Пиоро, Л.Г. Самойленко // Некоторые вопросы археологии Украины. – К.: Вища шк., 1977. – С. 31-35.

Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы / С.С. Березанская. – К.: Наук. Думка, 1982. – 212 с.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Братченко С.Н., Писларий И.А., Зарайская Н.П., Горелик А.Ф., Дубовская О.Р., Шилов Ю.А., Гершкович Я.П., Смирнов А.М., Константиnescу Л.Ф., Швецов М.Л., Балонов Ф.Р., Самойленко В.Г. Отчет Второй Северскодонецкой экспедиции об археологических исследованиях в Донецкой и Ворошиловградской областях в 1976 г. – НА ИА НАНУ. – № 1976/106.

Братченко С.Н., Гершкович Я.П., Константиnescу Л.Ф., Левченко В.Н., Смирнов А.М., Швецов М.Л., Шкарбан А.С., Кротова А.А. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 г. Исследование курганов в Славяносербском р-не Ворошиловградской обл. (сс. Смелое, Пришиб, Знаменка, Сокольники, Крипаки) и в Амвросиевском р-не Донецкой обл. (сс. Петро-Павловка, Лисичье). – НА ИА НАНУ. – № 1978/1.

Братченко С.Н. Курганы у сел Песчаное и Раздольное в Приазовье / С.Н. Братченко // ДАС. – № 7. – Донецк, 1997. – С. 116-129.

Братченко С.Н. Ливенцовский могильник I / С.Н. Братченко, Э.С. Шарафутдинова // ИАИАНД в 1998 г. – Вып. 16. – Азов, 2000. – С. 160-215.

Васильев И.Б. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев, О.В. Кузьмина, А.П. Семенова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 60-94.

Генинг В.Ф. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда / В.Ф. Генинг, В.А. Борзунов // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1975. – Вып. 13. – С. 42-72.

- Гершкович Я.П.** Про кам'яні поховальні споруди зрубної культури Північно-Східного Приазов'я / Я.П. Гершкович // Археологія. – 1982. – № 41. – С. 15-21.
- Горбов В.Н.** О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 120-123.
- Горбов В.Н.** Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века / В.Н. Горбов // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 145-162.
- Городцов В.А.** Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда. – М., 1907. – Т. I. – С. 211-285.
- Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888-1902 гг.** – СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 222 с.
- Забавин В.О.** Курганный могильник срубной культуры у восточной окраины г. Мариуполя / В.О. Забавин // ДАЗ. – № 15. – Донецк: Вид-во Донецк ун-ту, 2011. – С. 161-170.
- Забавин В.О.** Топографические и ландшафтные особенности размещения курганов срубной культуры Северного Приазовья / В.О. Забавин // ДАЗ. – № 16. – Донецк: Вид-во Донецк. ун-ту, 2012. – С. 100-107.
- Зудина В.Н.** Археологические древности Южного Средневожья / В.Н. Зудина. – Самара, 1998. – 124 с.
- Ильюков Л.С.** Курганы Миусского полуострова / Л.С. Ильюков, Л.М. Казакова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1988 – 168 с.
- Клименко В. Ф.** Раскопки курганов у с. Рыбинское Волновахского района Донецкой области. – НА ІА НАНУ. – № 1988/41.
- Клименко В.Ф.** Курганные древности Центрального Донбасса / В.Ф. Клименко, А.Н. Усачук, В.И. Цымбал. – Донецк, 1994. – 127 с.
- Клименко В.Ф.** Курганы юга Донетчины / В.Ф. Клименко. – Енакиеве, 1998. – 220 с.
- Клименко В.Ф.** Кенотафы срубной культуры Центрального Донбасса / В.Ф. Клименко, В.И. Цымбал // Проблемы археологии и архитектуры: в 2-х т. – Донецк; Макеевка, 2001. – Т. I. – С. 65-70.
- Клюшинцев В.Н.** Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры на р. Ингулец / В.Н. Клюшинцев // СА. – 1989. – № 4. – С. 250-254.
- Косиков В.А.** Курганная группа у п. Новоамвросиевка на р. Крынка (из раскопок Т.А. Шаповалова) / В.А. Косиков // ДАС. – № 6. – Донецк, 1996. – С.63-75.
- Ковалева И.Ф.** Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке / И.Ф. Ковалева – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981. – 78 с.
- Крамарев А.И.** Характеристика погребальных сооружений срубной культуры Южного Средневожья / А.И. Крамарев // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 277-305.
- Крамарев А.И.** Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневожья / А.И. Крамарев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003а. – С. 153-160.
- Кузнецов Л.В.** Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье / Л.В. Кузнецов, М.С. Седова // СА. – 1991. – № 3. – С. 161-178.
- Кульбака В.К.** Отчет об исследовании курганов у с. Коминтерново Новоазовского р-на Донецкой области в 1986 г. – НА ІА НАНУ. – 1986/39.
- Кульбака В.К.** Отчет об исследованиях курганов в зонах строительства оросительных систем на землях совхоза “Берестовой” у с. Берестовое и с. Кондратьевка Константиновского р-на и совхоза “Грузской” г. Макеевка Донецкой обл. в 1988 г. – НА ІА НАНУ. – № 1988/105.
- Кульбака В.К., Гнатко И.И.** Отчет об исследованиях курганов в зонах новостроек: у с. Калиновка Новоазовского р-на, у с. Раздольное Старобешевского р-на, у с. Камышеватое Першотравневого р-на, у с. Кондратьевка Константиновского р-на и г. Мариуполя Донецкой обл. в 1989 г. – НА ІА НАНУ. – 1989/87.
- Кульбака В.К.** Курган срубной культуры у с. Коминтерново / В.К. Кульбака, В.О. Забавин, С.Г. Небрат // Гілея. – Вип. 29. – К., 2009. – С. 136-141.
- Ларенок В.А.** Курганный могильник «Самарский»-II / В.А. Ларенок // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог. – Ростов н/Д, 1998б. – С. 102-120.

- Ларенок П.А.** Курганные могильники «Федоровка»-I-II / П.А. Ларенок // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог. – Ростов н/Д, 1998. – С. 17-41.
- Ларенок П.А.** Курганные могильники «Таврия»-I-III / П.А. Ларенок // Курганы Северо-Восточного Приазовья. Каталог. – Ростов-н/Д, 1998а. – С. 56-90.
- Лебедев Г.С.** Погребальный обряд как источник социологической реконструкции / Г.С. Лебедев // КСИА. – 1977. – Вып. 148. – С. 24-30.
- Леонова Н.Б.** Погребение как объект формального анализа / Н.Б. Леонова, Ю.А. Смирнова // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 16-23.
- Литвиненко Р.А.** Об одной из групп каменных подкурганных сооружений срубной культуры / Р.А. Литвиненко // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1990. – Ч.1. – С. 74-75.
- Литвиненко Р.А.** Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // ДАС. – № 1. – Донецк, 1992. – С. 29-46.
- Литвиненко Р.А.** О социальном членении погребений срубной культуры лесостепи / Р.А. Литвиненко // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк, 1992а. – С. 138-140.
- Литвиненко Р.А.** Исследования северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) / Р.А. Литвиненко, В.А. Посредников, В.К. Гриб // ДАС. – № 2. – Донецк, 1992б. – С. 94-112.
- Литвиненко Р.А.** Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. НАНУ. – К., 1994. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.
- Литвиненко Р.А.** Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 62-66.
- Литвиненко Р.А.** Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона / Р.А. Литвиненко // Матеріали доповідей вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу по результатах науково-дослідної роботи. Історичні науки, політологія: в 2-х кн. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 1997. – Кн. I. – С. 10-13.
- Литвиненко Р.А.** Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья / Р.А. Литвиненко // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.
- Литвиненко Р.О.** Похоронения срубной культуры в кам'яних гробницах з горизонтальною кладкою стін / Р.О. Литвиненко // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 3-18.
- Литвиненко Р.А.** Курган эпохи бронзы у села Запорожец (бассейн Кальмиуса, Северо-Восточное Приазовье) / Р.А. Литвиненко, Н.П. Зарайская // АА. – № 14. – Донецк, 2004. – С. 203-232.
- Марина З.П.** Курганы эпохи бронзы у села Павловка / З.П. Марина, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1988. – С. 5-20.
- Моруженко А.А.,** Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П. Археологические работы ДонГУ в Донбассе в 1981 г. – НА ІА НАНУ. – № 1981/132.
- Моруженко А.А.,** Санжаров С.Н., Посредников В.А. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1984 году. – НА ІА НАНУ. – № 1984/84.
- Моруженко А.А.** Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. Миус / А.А. Моруженко, Р.А. Литвиненко // ДАС. – № 3. – Донецк, 1993. – С. 72-92.
- Обыденнов М.Ф.** Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности / М.Ф. Обыденнов, Г.Т. Обыденнова. – Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 1992. – 171 с.
- Ольховский В.С.** Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий / В.С. Ольховский // СА. – 1986. – №1. – С. 65-76.
- Ольховский В.С.** Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму / В.С. Ольховский, В.В. Отрощенко // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 111-125.
- Отрощенко В.В.** Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.04 “Археология” / Ин-т археол. АН УССР. – К., 1981. – НА ІА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 1. – № 598. – 329 с.
- Отрощенко В.В.** Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.04 “Археология” / Ин-т археол. АН УССР. – К., 1981а. – 23 с.

- Плешивенко А.Г.** Могильник кургана “Бабакова Могила” из Северного Приазовья / А.Г. Плешивенко // ДСПК. – Т. 4. – Запорожье: Запоріжжя, 1993. – С. 128-156.
- Плешивенко А.Г.** Курганный могильник у с. Конские раздоры / А.Г. Плешивенко // ДСПК. – Т. V. – Запорожье, 1995. – С. 143-159.
- Попандопуло З.Х.** Курган “Соколовский” у города Пологи / З.Х. Попандопуло // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 66-76.
- Посредников В.А.** К вопросу об обряде кремации у срубных племен Донбасса / В.А. Посредников, Д.П. Кравец // ДАС. – № 1. – Донецк, 1992. – С. 47-56.
- Потапов В.В.** Курганы эпохи поздней бронзы могильника Нижнеясиновский II / В.В. Потапов // Вестник Южного научного Центра. – Т. 9. – № 1. – М., 2013. – С. 77-89.
- Привалов А.И.** Отчет новострочной экспедиции Донецкого госуниверситета за 1978 год / А.И. Привалов, В.П. Андриенко, А.А. Моруженко. – НА ІА НАНУ. – № 1978/73.
- Привалова О.Я., Привалов А.И.** Отчет о раскопках курганов из группы “Баба” у с. Николаевка Волновихского района Донецкой области в 1980 году. – НА ІА НАНУ. – № 1980/103.
- Привалова О.Я.** Срубные погребения Николаевского могильника в бассейне Кальмиуса / О.Я. Привалова // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 8-97.
- Привалова О.Я.** Раннесрубный могильник Малый Кут в Северном Приазовье / О.Я. Привалова // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 145-154.
- Пряхин А.Д.** Курганы эпохи бронзы Побитюжья / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1988. – 209 с.
- Салий Н.Г.** Могильники срубной культуры в междуречье Днепра и Молочной (по материалам Запорожской экспедиции) / Н.Г. Салий // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С.82-94.
- Самар В.А., Антонов А.Л.** Отчет об археологических исследованиях Восточного отряда АЭ Запорожского краеведческого музея в 1994 г. – НА ІА НАНУ. – № 1994/104.
- Самар В.А., Антонов А.Л.** Отчет об археологических исследованиях Восточной АЭ ЗОИОПИК в 1996 году. – НА ІА НАНУ. – № 1996/89.
- Самар В.А.** Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья / В.А. Самар // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С.75-83.
- Синюк А.Т.** Периодизация срубной культуры Среднего Дона / А.Т. Синюк, В.И. Погорелов // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 118-145.
- Тощев Г.Н.** Крым в эпоху бронзы / Г.Н. Тощев. – Запорожье: Изд-во ЗНУ, 2007. – 304 с.
- Усачук А.Н.** Исследование курганов срубного времени (по материалам архива и фондов Донецкого краеведческого музея) / А.Н. Усачук // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. – Полтава, 1991. – Ч. 2. – С. 46-48.
- Цимиданов В.В.** Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры (по материалам Украины) / В.В. Цимиданов // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: Изд-во ВУГУ, 1996. – С. 198-213.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.
- Чередниченко Н.Н.** Срубная культура // С.С. Березанская, В.В. Отрошенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.
- Шаповалов Т.А.** Отчет об археологических исследованиях курганов в Донецкой области в 1986 году / [Т.А. Шаповалов, С.Н. Санжаров, В.А. Косиков, В.А. Подобед, А.В. Евглевский, Р.А. Литвиненко]. – НА ІА НАНУ. – № 1986/45.
- Шарафутдинова И.Н.** Степное Поднепровье в позднем бронзовом веке / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1982. – 160 с.
- Шарафутдинова Э.С.** Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 146-183.

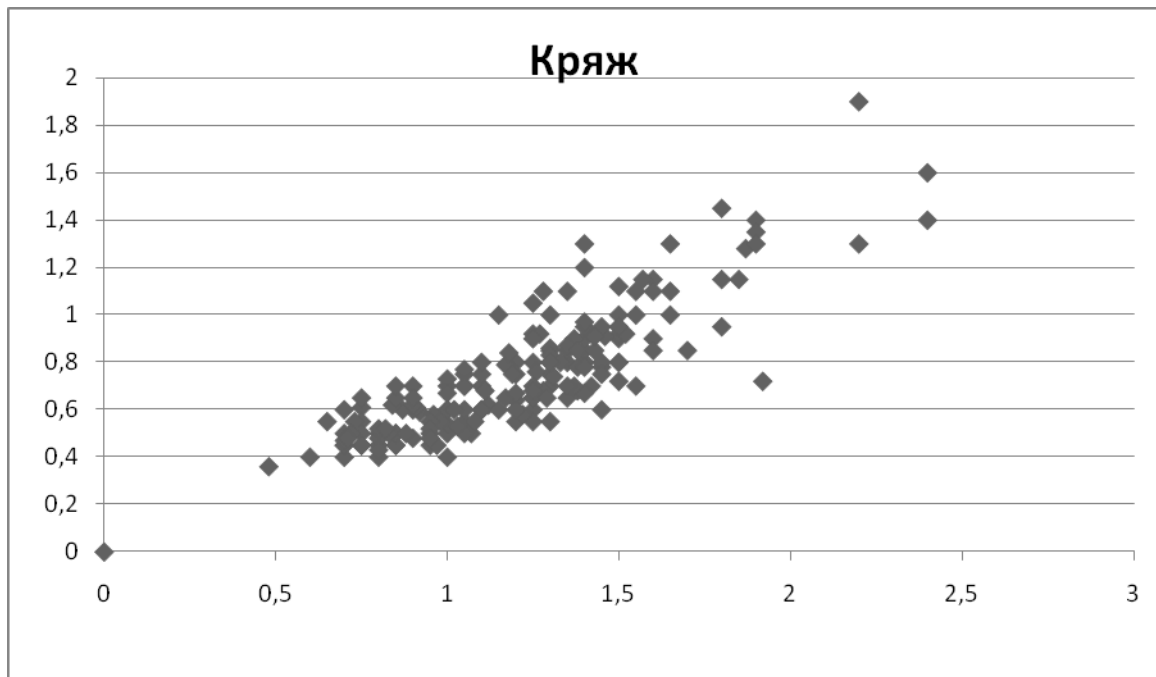

Рис. 1. Размеры погребальных ям Донецкого Кряжа
Fig. 1. Dimensions of burial pits of Donetsk Kryazh

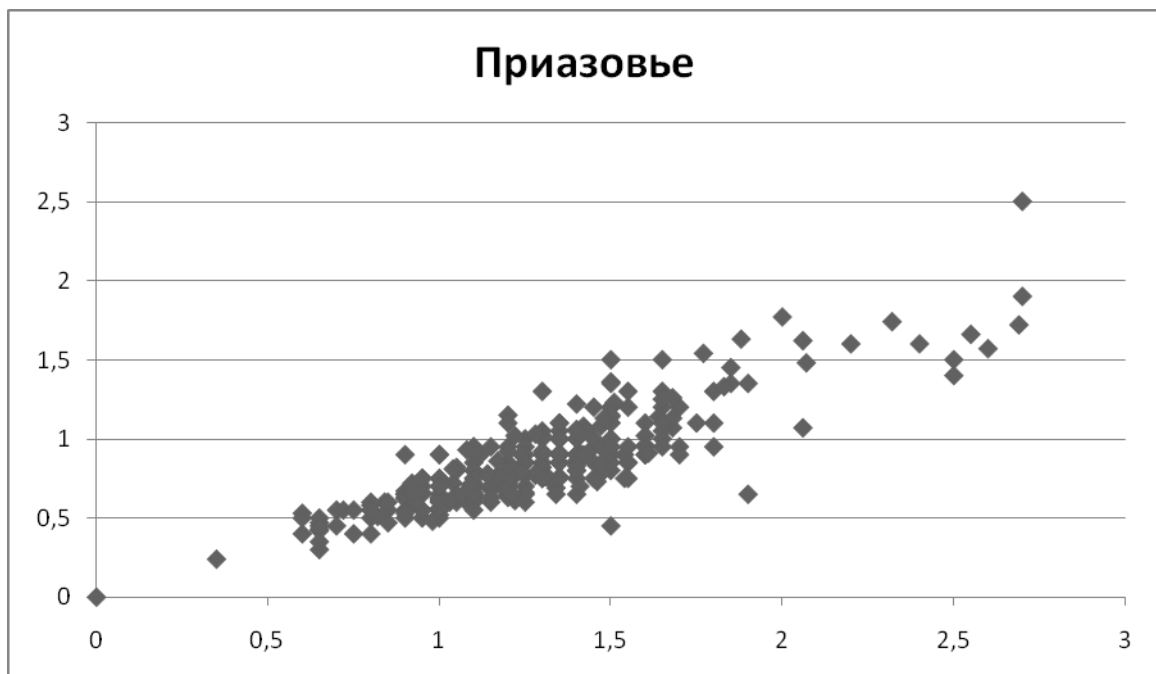

Рис. 2. Размеры погребальных ям Северного Приазовья
Fig. 2. Dimensions of burial pits of Northern Azov Sea

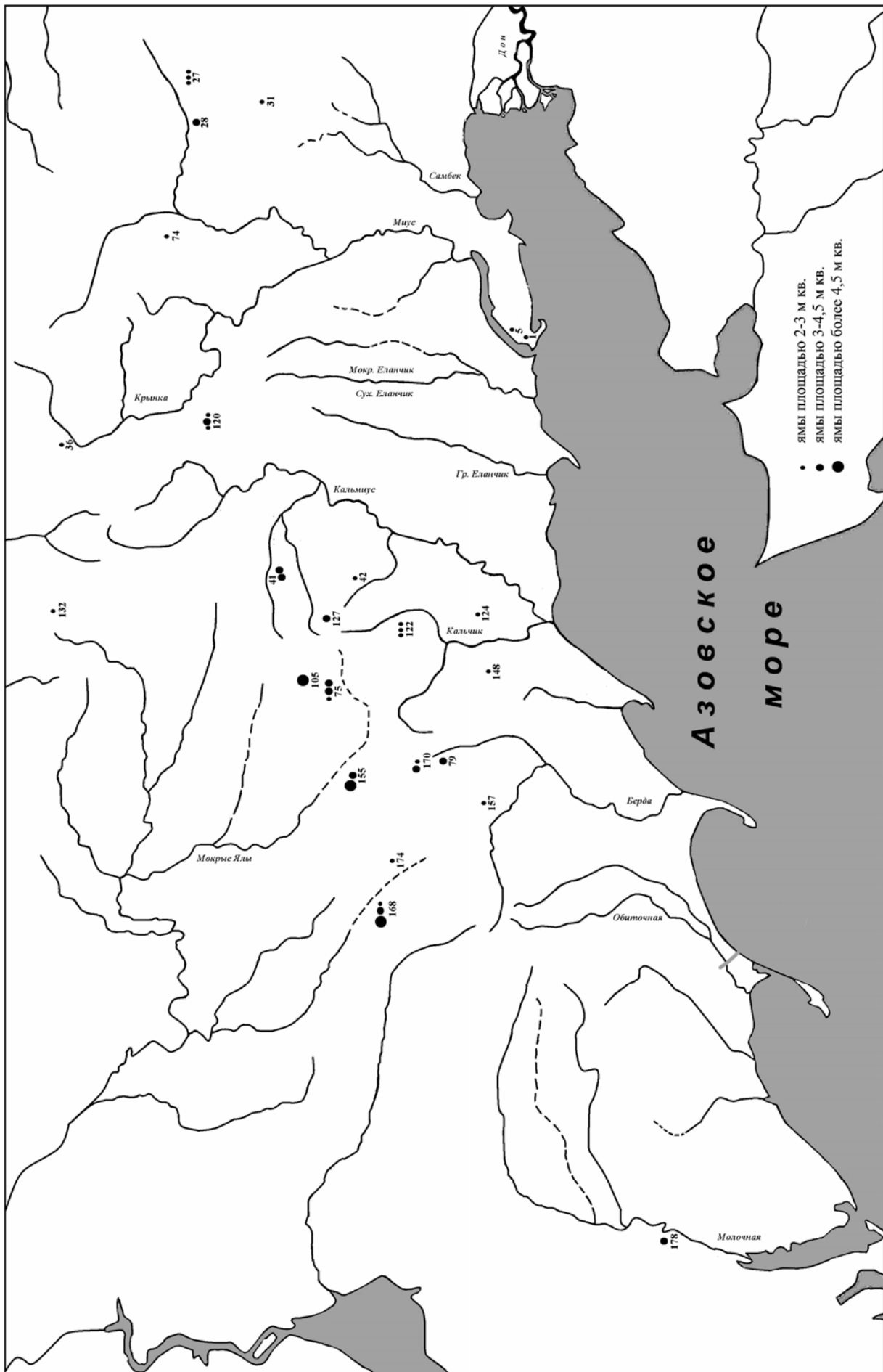

Рис. 3. Карта распространения больших ям
Fig. 3. Map of the spread of large pits

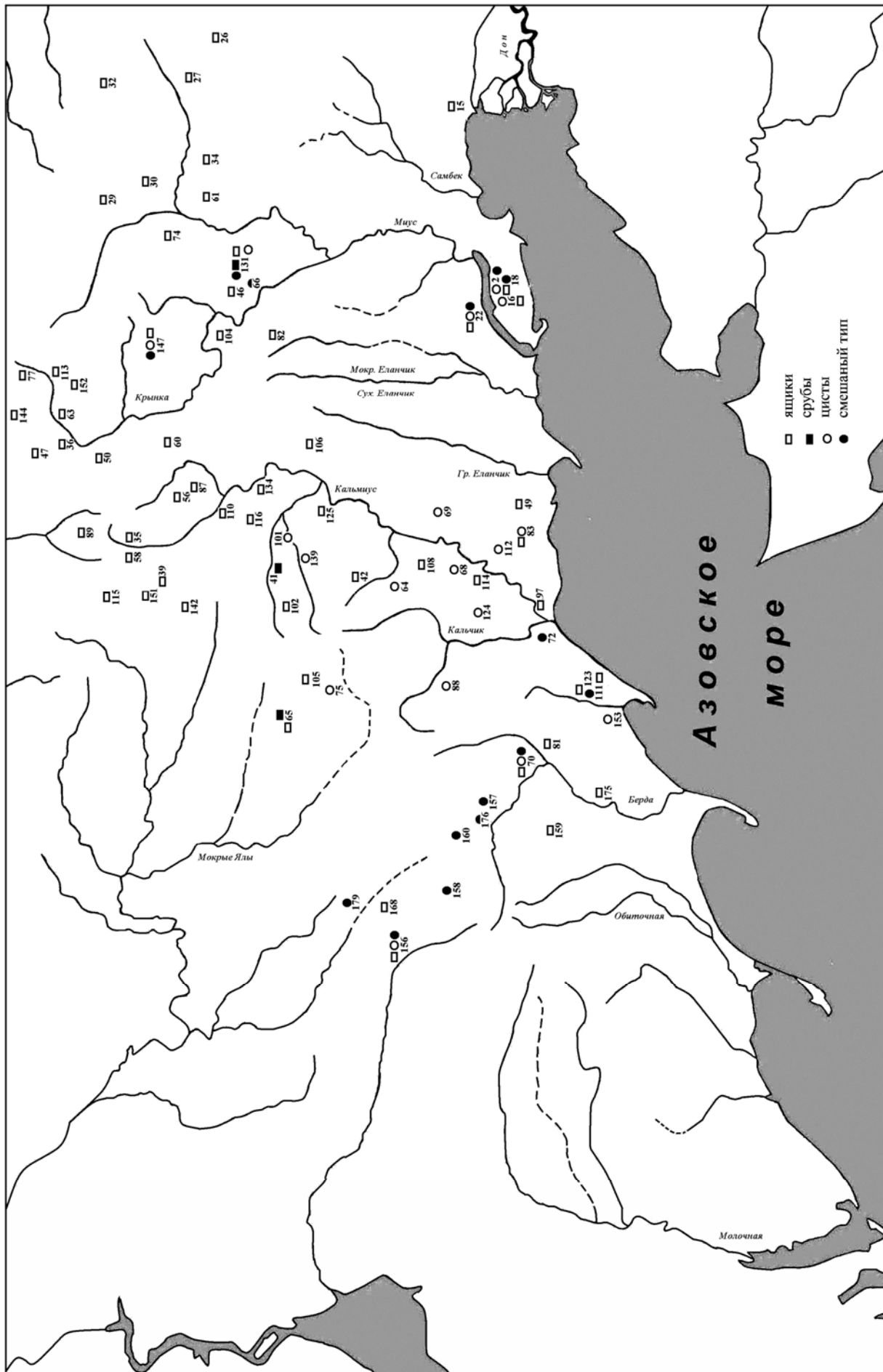

Рис. 4. Карта распространения типов могильных сооружений
Fig. 4. Map of the spread of burial construction's types

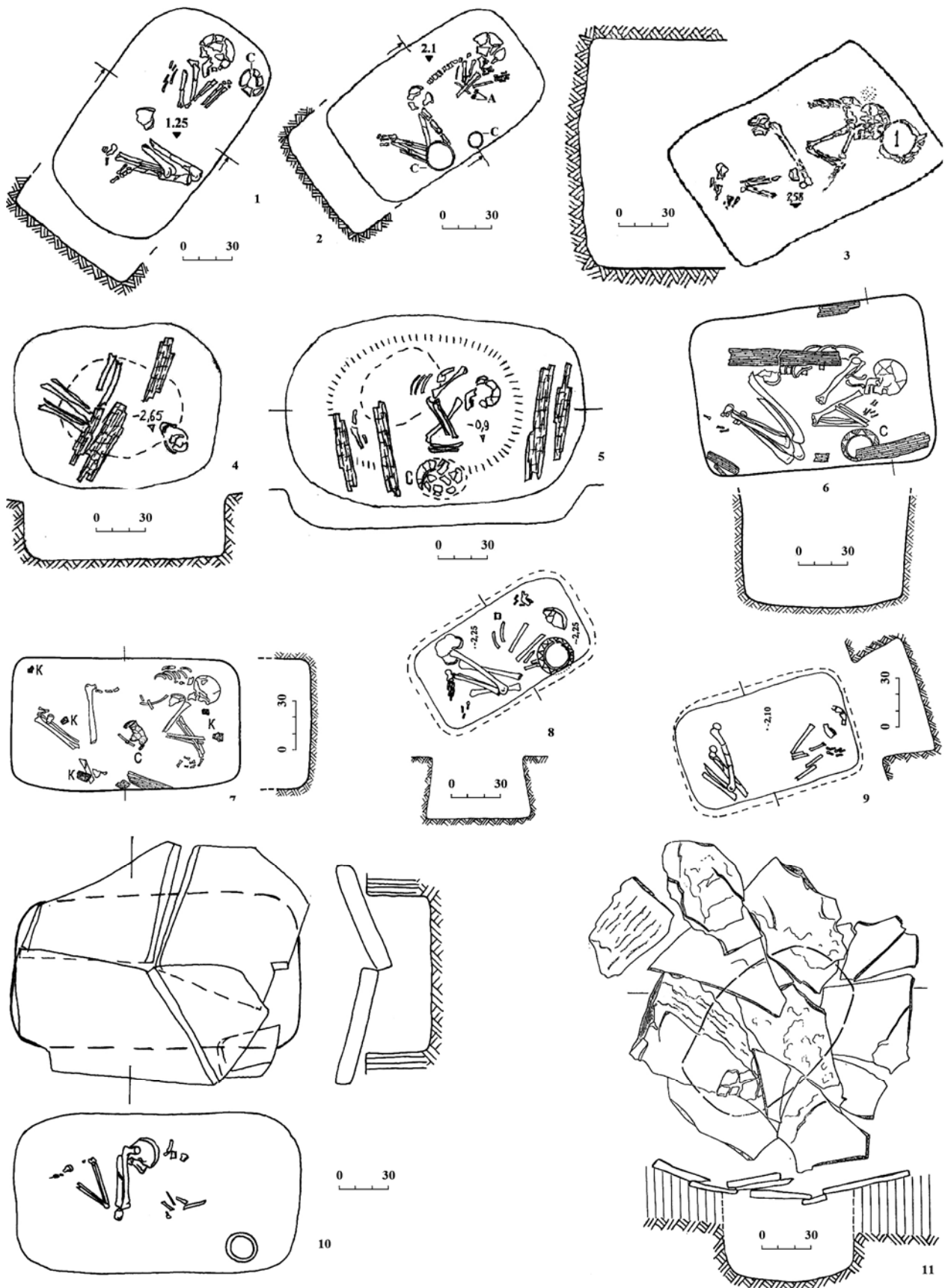

Рис. 5. Погребения в ямах: 1-2 – Мариуполь-Восточный 3/1, 5; 3 – Раздольное 2/1; 4-5 – Волноваха 2/4, 5/2; 6-7 – Запорожец 1/12, 13; 8-9 – Малый Кут 2/2, 3; 10 – Баба 2/4; 11 – Нижняя Крынка 1/1

Fig. 5. The burials in pits

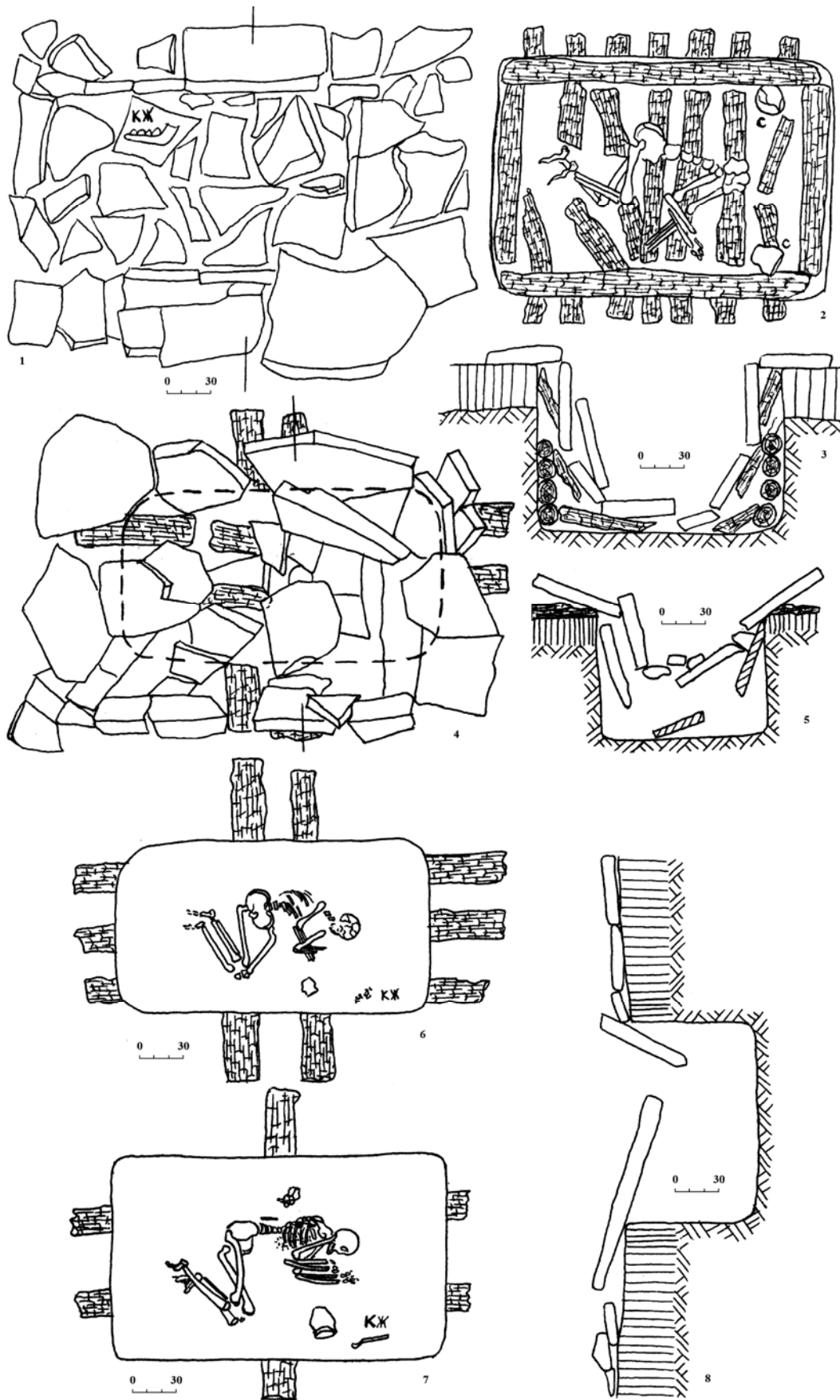

Рис. 6. Погребения в срубах и ямах с деревянным перекрытием:
1-3 – Баба 3/2; 4-6 – Баба 2/3; 7-8 – Баба 2/1

Fig. 6. The burials in timbers and pits with wooden ceiling

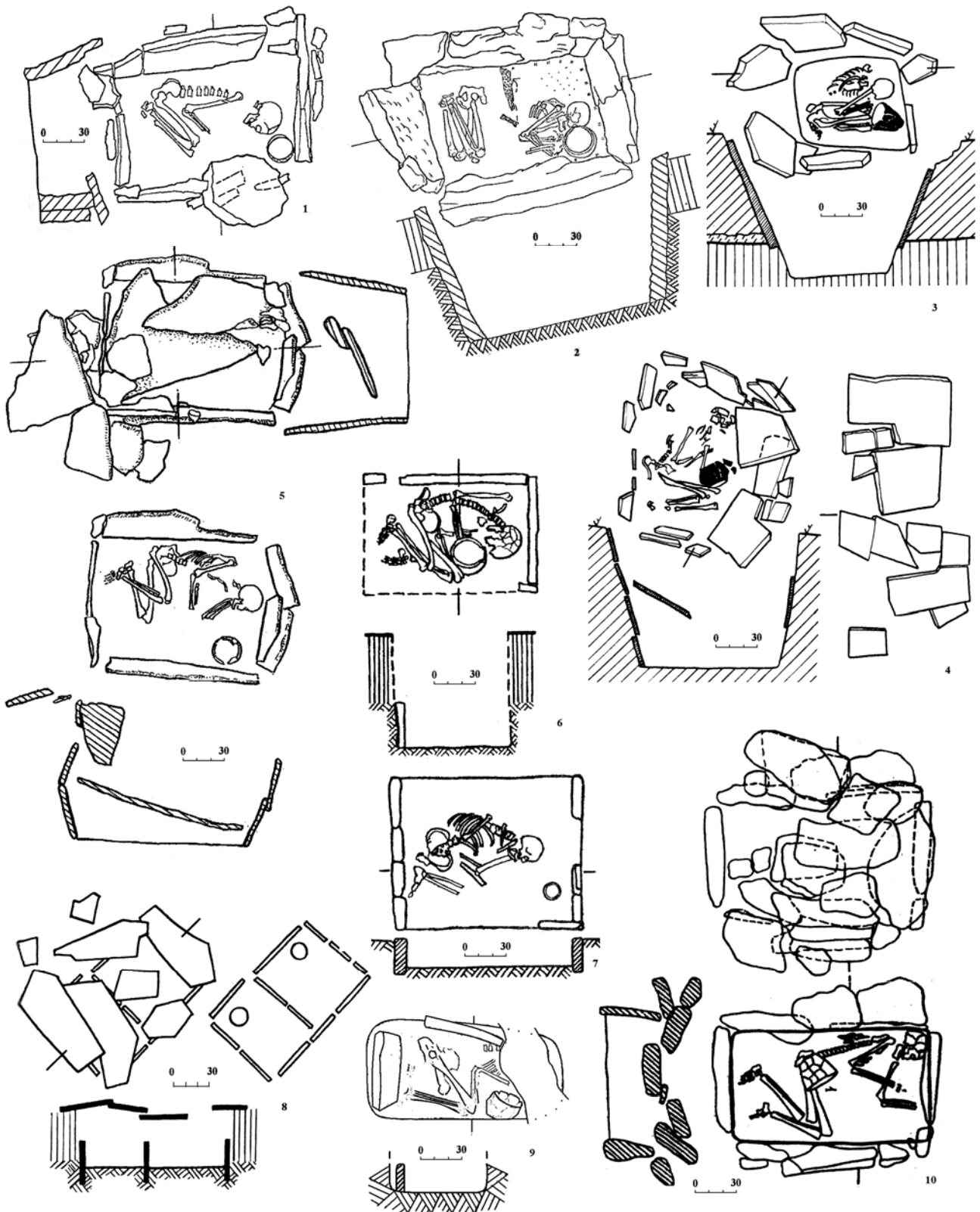

Рис. 7. Погребения в каменных ящиках I группы: 1 – Раздольное 3/4; 2 – Камышеватое 1/1; 3-4 – Зрубное 7/7, 1/3; 5 – Песчаное 3/1; 6 – Новоамвросиевка 1/1; 7 – Николаевка 4/2; 8 – Дружный 2/3; 9 – Высокое 5/4; 10 – Конские Раздоры 3/8

Fig. 7. The burials in stone boxes of Group I

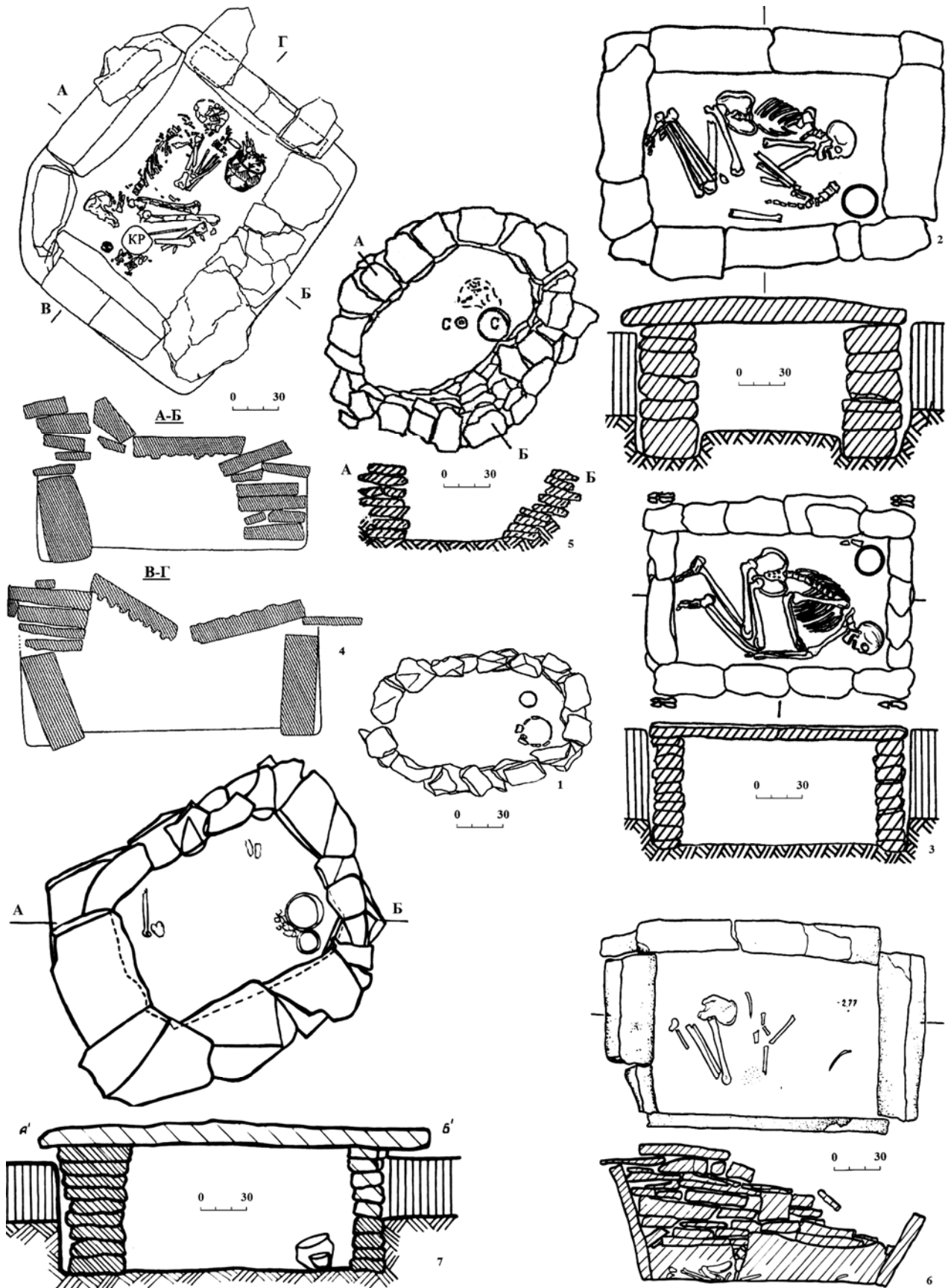

Рис. 8. Погребения в каменных ящиках II-III группы: 1 – Коминтерново 1/3; 2-3 – Николаевка 3/1, 6/1; 4 – Зинцева балка 1/2; 5 – Веденское 1/1; 6 – Новозарьевка 1/3; 7 – Приворазное 3/1

Fig. 8. The burials in stone boxes of Group II-III